

особенности в такси чары немного развеялись, поскольку говорили мы о практических вещах: о телеинтервью, о поэтическом фестивале, начинавшемся завтра, о моем пребывании в Англии. Вдруг разговор стал совсем простым: два человека обсуждали более или менее осязаемую материю. Я ощутил странное удобство в присутствии этого голубоглазого седого старика ростом под шесть футов, которого никогда дотоле не знал, и недоумевал, почему? Скорее всего, это чувство защищенности внушали мне его высокий рост и возраст, а также оксфордские манеры. А кроме того, в его мягкой неуверенности, граничившей с неловкостью и сопровождавшейся виноватой улыбкой, проступало что-то вроде понимания эфемерности и легкой абсурдности всего окружающего. Я сам не чужд этому чувству, поскольку оно — производное не вашего телосложения или темперамента, но вашего призвания. Одни обнаруживают это понимание больше, другие меньше. Есть такие, что вообще неспособны его скрыть. Судя по всему, и он и я принадлежали к последней категории.

В этом я склонен усмотреть основную причину нашей труднообъяснимой двадцатитрехлетней дружбы. Были и другие; некоторые из них я здесь назову. И все — таки, прежде чем продолжить, должен сказать, что если все нижеследующее выглядит слишком уж похожим на мемуары с моим чрезмерным присутствием в них, то происходит это потому, что считаю невозможным, по крайней мере сейчас, говорить о Стивене Спендере в прошедшем времени. Не собираюсь затевать солипсические игры, отрицая очевидное, — что его больше нет. Возможно, для меня это было бы не сложно, поскольку все эти двадцать три года мы виделись не часто и не более пяти дней подряд. Но то, что я думаю и делаю, переплелось в моем уме с жизнью и стихами его и Уистана Одена, так что в настоящее время воспоминания кажутся более уместными, чем попытка осознать свои чувства. Жить — то же, что цитировать, и когда вы что-то выучили наизусть, это принадлежит вам не меньше, чем автору.

[„Знамя“ 12’98](#)

Иосиф Бродский Памяти Стивена Спендера

I

Через двадцать три года диалог с иммиграционным служащим в аэропорту Хитроу предельно краток. ”Деловая или увеселительная?”

”Как вы назовете похороны?”

Он пропускает меня, махнув рукой.

II

Двадцать три года назад его предшественник разбирался со мной около двух часов. В сущности, то была моя вина. Только что покинув Россию, я направлялся через Лондон в Соединенные Штаты с приглашением на поэтический фестиваль. Паспорт заменяла мне транзитная виза в огромном коричневом конверте, выданная американским консульством в Вене.

Кроме естественного беспокойства, ожидание было для меня крайне неприятным из-за Уистана Одена, с которым я прилетел из Вены в одном самолете. Пока таможенники изучали коричневый конверт, я видел, как он ходил взад-вперед за барьером в состоянии нарастающего раздражения и даже пытался заговаривать то с одним из них, то с другим, нарываясь на замечания. Он знал, что в Лондоне у меня никого нет, и не мог оставить меня одного. Я чувствовал себя ужасно хотя бы уже потому, что он был вдвое старше меня.

Когда, наконец, мы вышли в зал, нас встретила потрясающе красивая дама, высокая и, право же, с королевской осанкой. Она расцеловала Уистана и представилась: ”Наташа.

Надеюсь, вы не откажетесь у нас остановиться. Уистан тоже будет жить у нас”. И когда я забормотал что—то, путаясь в грамматике, вмешался Оден: ”Это жена Стивена Спендера. Говорите ”да”. Они приготовили вам комнату”.

Затем мы ехали в машине. Наташа Спендер — за рулем. Очевидно, они все обдумали, возможно, обсудили по телефону, — несмотря на то, что я был для них чужим человеком: Уистан едва знал меня, а Спендеры еще того меньше. И все—таки... Лондонские предместья проносились за окном автомобиля, а я пытался читать вывески. Чаще других встречалась *Bed and Breakfast* (”постель и завтрак”). Я понимал отдельные слова, но, к своей выгоде, ввиду отсутствия глагола, не мог уловить их смысл.

III

Чуть позднее, вечером, когда втроем мы сидели за ужином, я старался объяснить Наташе (все время дивясь несоответствию ее прекрасных черт русскому имени, звучащему по—домашнему), что я не такой уж для них чужой. В России в моем распоряжении было несколько предметов из этого дома, привезенных мне Ахматовой из Англии, где она получила докторскую мантию в Оксфорде в 65-м году. То были две пластинки (”Дидона и Эней” Персела и Ричард Бёртон, читающий английских поэтов) и похожий на трехцветный флаг шарф какого—то колледжа. Их, как она сказала, передал для меня необыкновенно привлекательный английский поэт по имени Стивен Спендер.

”Да, — подтвердила Наташа, — она много говорила о вас. Вы были в тюрьме, и мы ужасно беспокоились, что вы замрзнете. Вот почему — шарф”.

Тут позвонили в дверь — и она пошла открывать. Меж тем я говорил с Уистаном, правильнее сказать, слушал его,

поскольку мое знание грамматики оставляло мне не много инициативы. Хотя я и перевел кое—что с английского (в основном, елизаветинцев, а также какие—то современные американские стихи и несколько пьес), мои разговорные навыки в то время были минимальны. Говорил я примерно так: ”содрогание суши” вместо ”землетрясение”. Кроме того, речь Уистана из—за ее невероятной скорости и поистине трансатлантической оснастки требовала от меня значительного напряжения.

Когда я совсем потерял ее смысл, в комнату вошел долговязый, слегка сутулый седовласый господин с мягкой, словно извиняющейся улыбкой. Даже по своей гостинной он передвигался, скорее, с осторожностью новичка, чем с уверенностью хозяина. ”Привет, Уистан”, — сказал он, и затем поздоровался со мной.

Не помню самих слов, но я был заморожен красотой их выговора. Казалось, будто все благородство, изящество, благовоспитанность и невозмутимость английской речи внезапно наполнили комнату. Слово зазвучали все струны инструмента. Для меня, с моим тогда нетренированным слухом, эффект был ошеломительным. Казалось, он был вызван сутулостью самого инструмента: вы чувствовали себя не слушателем музыки, а ее сообщником. Я посмотрел на присутствующих: никто не выразил удивления. Но сообщники никогда и не удивляются.

IV

Позднее, тем же вечером, Стивен Спендер, ибо это был он, отправился со мной в телестудию Би—Би—Си на выступление в прямом эфире для вечерних новостей. Двадцать три года назад появление в Лондоне кого—нибудь в моем положении еще считалось событием. Все вместе заняло два часа, включая поездку на такси туда и обратно. За эти два часа и в